

Человек эмоций Марина Леончук – о Гогене на языке, праве на глупость и полубожественности.

- Вы в детстве смотрели программу «Что? Где? Когда?»? Поделитесь самыми ранними телезрительскими воспоминаниями...

- Ну конечно же, смотрела. Мне кажется, все её в детстве смотрели, особенно в советское время. Первое воспоминание – за столом полубоги. Люди, обладающие не просто энциклопедическими знаниями, а те, кто знает больше, чем все остальные, и кому дано свыше понимать больше, чем всем, кто существует на земле. Помню, что среди знатоков были двое, которые вызывали у меня особенные эмоции: это Александр Друзь и Андрей Козлов. Первый эмоционально достаточно стабилен, второй – наоборот, очень эмоционален, но эти знатоки вызывали у меня особые чувства, и я с удовольствием смотрела, как они играют.

- Когда вам предложили попробовать себя в качестве знатока, какая была ваша первая мысль?

- Первая мысль была - «О боже!». С другой стороны, меня сгубило любопытство, потому что не помню, чтобы я как-то активно отказывалась. Осознание пришло позже: «Я ведь не считаю себя эрудитом, не обладаю энциклопедическими знаниями. Как же я буду выглядеть за этим столом, что смогу сказать?» Но это было уже потом. Первый ответ был: «Да, давайте попробуем».

- Что оказалось самым сложным в перевоплощении в знатока?

- Оказывается, когда ты не видишь человека, который задаёт тебе вопрос, и находишься за «стресс-столом», воспринимать вопрос, при этом писать его и сразу начинать думать для меня невозможно. Я даже на одном деле сосредоточиться не могу, я в принципе очень рассеянный человек. А здесь приходилось максимально концентрироваться. Уверена, у меня это не получилось. Очень надеюсь, что получится на следующих играх, если они будут. Но первое, что я поняла: здесь надо быть очень сконцентрированной, а после вот этой вот максимальной концентрации – быстро расслабиться. Для меня это две невыполнимые задачи.

- Какие впечатления остались от команды? Кто-то из коллег открылся для вас с новой стороны?

- По-новому открыла для себя Лиду Таран. Я знаю её достаточно эмоциональным человеком, но здесь она была максимально собранна. С Анатоличем мы работаем в паре, его поддержка чувствовалась. Дима Комаров был немножко растерян, и меня это тоже успокаивало, потому что я считала, что Дима невероятно собранный в том смысле, что вещи, которые ему приходится переживать в своих путешествиях, очень сильно закаляют человека. В общем, мне было с ними комфортно. Я думала, что все мы люди со своими эмоциями, переживаниями, и ничто человеческое нам не чуждо.

- За какой вопрос обидно больше всего?

- Было очень стыдно по поводу Пикассо, который подписал свою картину на французский лад. Я на тот момент не была знакома с творчеством Гогена, но просто знала, что существует такой художник. И единственное слово, которое вертелось у меня на языке, - это было слово «Гоген». Но я побоялась его озвучить. Потому что мне казалось: «Ну что я знаю об этом человеке? Сейчас скажу «Гоген», а меня засмеют». Было обидно. И стыдно. Мне вообще стыдно. Страшно смотреть эту игру, я очень переживаю. Ну, а что делать? Жить-то дальше надо. Будем учиться анализировать свои ошибки и исправлять их, если это получится.

- Какой вопрос понравился больше всех?

- Наверное, вопрос про жирафа. Хоть мы и не смогли на него ответить. Там же в вопросе есть ответ. Мы просто его недоуслышали, недопоняли, может, друг друга недоуслышали – не знаю, в чём было дело. Но когда прозвучал ответ «жираф», хотелось сквозь землю провалиться. Мы же все впялились глазами в Диму: «Дима должен знать больше, он всё это прошёл, он всё это видел. Давай, Дима, расскажи нам о племенах, традициях...» Закопались куда-то... А на самом-то деле всё было просто. В общем, жираф меня тоже впечатлил. Я посмотрела на него по-новому.

Вообще после игры я стала как-то легче относиться к тому, что, сказав глупость, можно остаться при этом абсолютно нормально воспринимаемым человеком. А если при этом у тебя ещё и получится отшутиться в свой адрес, то вообще великолепно. После этого и тебе легче жить, и люди видят, что ты достаточно нормальное существо, которое может и должно ошибаться.

С другой стороны, были определённые моменты, когда я с головой закручивалась в одеяло и думала: «Господи, как же мне завтра прийти на работу? Господи, куда ж я денусь, когда эту программу увидят другие?». Потом опять были мысли: «Да нет, всё-таки надо жить легче...» В общем, у меня всегда много мыслей. Я в них сама запутываюсь, потом сама распутываюсь. Так вот и живу. Вся на эмоциях.

- Есть человек, мнения которого о программе вы ждёте с особенным трепетом?

- Есть. Два человека. Мне очень интересно, что скажет мой папа, и очень интересно, что скажет мой муж. Мужа уже сейчас настраиваю на то, что вариант «нормально, Марина» не пройдёт. Если он говорит «да, хорошо, нормально», это означает комплимент. А мне надо разобрать всё по буквам. Я говорю: «Нет, дорогой, в этот раз хочу услышать больше».

Папа для меня с детства достаточно авторитетный человек. Я горжусь тем, что до сих пор не утратила эти чувства. Он очень мудрый. Он меня отрезвляет, возвращает на землю, даёт точку опоры. Я хотела бы услышать, что он скажет: как я себя вела и как стоит это делать в будущем.

- Что вы чувствовали, когда счёт на табло стал 2-5?

- Я всегда очень много всего чувствую и много всего переживаю, но в тот момент почему-то была абсолютно стерильна. Скажем так, чиста, как лист бумаги. Ничего не думала, не чувствовала, и на мне, наверное, можно было написать всё что угодно. Думаю, это был шок. Я была в шоковом состоянии.

- И всё-таки вам удалось отыгаться и победить. Как думаете, за счёт чего?

- Хочется сказать «дуракам везёт», но надо перефразировать. Это же элитарный клуб, я же не могу употребить слово «дурак». После вопроса про ватерклозет... Который, кстати, тоже мне очень сильно понравился... Анатолич повёлся, когда я сильно размахивала руками и говорила: «Это же туалет, это туалет! Выстроилась очередь и все побежали! Это же был стадион, там всем хочется писать!» После реакции господина ведущего, что это элитарный клуб, я поняла, что слово «туалет» не прокатит, и в голове остался один «ватерклозет». Я думала: «Боже, господи, что ж делать?»

В общем, если в элитарном клубе можно сказать «дурак», то дуракам везёт. Дурочкам. А если серьёзно, я думаю, что сказала некая симпатия господина ведущего к команде. Мне казалось, что он нам не подыгрывает, но пытается максимально помочь. Плюс, когда мы тренировались, Дарья, редактор, видя растерянные лица новичков, тоже постаралась нас максимально расслабить: «Получите удовольствие, получите удовольствие». Я чувствовала огромную поддержку. И поддержку зала в том числе. Команда наших соперников-одесситов, их лёгкие, весёлые, добродушные улыбки... Люди, которые стояли слева и справа от нас... Я не чувствовала негатива. А я – человек, который поддается влиянию. Мне было комфортно. Это расслабляло, и, возможно, поэтому у нас получилось.